

Глава седьмая

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ РОМАНА «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Роман «Что делать?», напечатанный в «Современнике» за 1863 г. (№ 3, 4, 5), явился крупнейшим событием общественной и литературной жизни страны. Он заключал в себе целую программу действий для лучшей, передовой части русского общества. По силе влияния на жизнь, по глубине и длительности воздействия на идейно-политическое и нравственное развитие молодых читателей, «Что делать?» — явление выдающееся даже в русской литературе XIX века, прославленной своей связью с жизнью, своей активной ролью в освободительном революционном движении.

Как же могло появиться в подцензурной печати произведение, написанное узником Алексеевского равелина и проникнутое теми идеями, за которые был арестован его автор?

При всем мастерстве эзоповского иносказания, свойственном Чернышевскому, революционная и социалистическая тенденция романа не могла остаться незамеченной не только теми читателями, для которых он был написан, но и «проницательным читателем» из цензурного ведомства. Почему же цензура пропустила книгу? На этот счет в литературе о Чернышевском существует два объяснения. М. Лемке¹, ссылаясь на воспоминания крупного чиновника из совета по делам книгопечатания Пржецлавского, рассматривает пропуск романа как результат недоразумения: именно потому, что слишком много ведомств и инстанций следило за литературной деятельностью Чернышевского в период его ареста, они и не уследили. Чиновники следственной комиссии, читавшие рукопись по частям в поисках материала для обвинения автора в «государственных преступлениях», не считали своей обязанностью вникать в

¹ М. Лемке, Политические процессы в России 60-х гг., Гиз, 1923.

общий идейный смысл романа, рассчитывая на последующий просмотр цензуры.

Между тем, цензоры Бекетов и Рахманинов, испытывая верноподданнический трепет перед шнурами и печатями комиссии III отделения на рукописи романа, почли за лучшее особенно не вникать в скрытые за беллетристическим повествованием социально-политические идеи и пропустили рукопись в печать. Такое объяснение подтверждается и недавно опубликованной Е. Бушканец дневниковой записью Н. Я. Агафонова, сделанной им в 1878 г. со слов цензора Бекетова: «Чернышевский писал роман «Что делать?», сидя в Петропавловской крепости, и посылал рукописи частями через 3-е отделение. Там просматривали ее односторонне, более с точки зрения своей специальности, а остальное предоставляли Комитету петербургских цензоров. Роман цензуровали Бекетов и Фед. Ив. Рахманинов, которые будучи покойны тем, что рукопись прошла через фильтр 3 отделения, просмотрели ее поверхностно и слепо подписали, не исключив ни слова. Так он и явился на свет. Но, когда поднялся по поводу его содом, когда увидели, что нечто необыкновенное совершается между молодежью обоего пола под впечатлением этого произведения, то принялись отыскивать виновных в пропуске. Прежде всего притянули на цугундер Бекетова и Рахманинова.

— Помилуйте — отвечают эти. — Мы читали и пропускали то, что дозволено 3 отделением.

А 3-е отделение говорит:

— Нам нет дела до содержания романа: на это существует персонал цензоров. Мы только со своей стороны проверяли, нет ли чего против верховной власти — и вообще, в какой мере благонадежны умозаключения и убеждения автора.

С обеих сторон признали резон и вину взвалили на одного Чернышевского. Занялись энергичнее его судом и упекли на каторгу»¹.

Однако такое объяснение оспаривается В. Е. Евгеньевым-Максимовым. Ссылаясь на воспоминания Рейнгардта, он связывает пропуск романа в печать с особыми политиканскими расчетами министра внутренних дел Валуева, которому уже набранный в журнале «Современник» роман посылался из цензуры «ввиду особого на этот предмет распоряжения».

По этой версии Валуев весной 1863 г. предполагал, что связанный с революционным восстанием в Польше дипломатический нажим западных держав (Англии, Франции и Австрии) на Россию вызовет поворот к «более либеральному курсу не

¹ Е. Бушканец, Царская цензура и «Что делать?» Чернышевского, «Огонек», 1951, № 39, стр. 24.

только в области польской, но и внутренней политики»¹. Спеша забежать впереди событий, царский министр «счел и уместным, и своевременным, и выгодным для себя усилить свою игру в либерализм»². Это проявилось как в том, что он настаивал на немедленном введении представительных учреждений, так и в том, что он пропустил «Современник» с романом Чернышевского и даже «хвастался своим либерализмом, что пропустил роман в социалистическом духе»³.

По существу обе эти версии вовсе не противоречат друг другу, потому что у М. Лемке речь идет о первом — еще в рукописи — прохождении романа через цензуру, а у В. Евгеньева-Максимова о том, как набранные номера «Современника» вторично подвергались цензуре и просмотру самого Валуева. Весьма вероятно, что цензоры так поверхностно просмотрели книгу не только «будучи покойны, что рукопись прошла через фильтр 3 отделения», но еще и желая угадать намерения и угодить в тон своему непосредственному начальству — министру внутренних дел Валуеву, к политиканскому лавированию которого, несомненно, приспосабливались подчиненные.

Конечно, ни жандармские чиновники, ни цензоры, ни сам Валуев не понимали громадного революционизирующего значения романа, взрывчатой силы, заложенной в системе его идей. Видимо, здесь действительно сыграло известную роль целое скопление самых разнообразных «недоразумений» и обстоятельств междудементовенного и даже международного характера. Однако и случайным это сцепление обстоятельств можно считать только относительно: чиновничий формализм, верноподданнический трепет перед III отделением и вообще перед начальством, карьеризм и всеобщая беспринципность — эти весьма типичные черты самодержавно-бюрократического аппарата ярко выразились во всех обстоятельствах, связанных с опубликованием романа. Неслаженность громоздкого механизма реакционной государственности была блестяще использована революционно-демократическим лагерем для того, чтобы роман Чернышевского получил доступ к читательским массам.

Роман Чернышевского сразу же после опубликования стал одной из самых популярных, широко читаемых книг: «Для русской молодежи того времени она была своего рода откровением и превратилась в программу... Ни одна из повестей Тургенева, никакое произведение Толстого, или какого-либо другого писателя не имели такого широкого и глубокого влияния

¹ В. Е. Евгеньев-Максимов, Роман «Что делать?» в «Современнике». Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. Ленинградского университета, 1941, стр. 228.

² Там же.

³ Слова Рейнгартта цит. по ст. В. Евгеньева-Максимова, там же.

на русскую молодежь, как эта повесть Чернышевского. Она сделалась своего рода знаменем для русской молодежи»¹, — писал П. Кропоткин.

Г. В. Плеханов писал о романе «Что делать?»: «На его долю выпал огромный успех, и он имел поистине колоссальное и в высочайшей степени благотворное влияние на молодых читателей 70-х и 80-х годов»².

Чрезвычайное распространение романа среди молодежи вынуждены были признать и заклятые враги революционной демократии. Так, откровенный реакционер из числа профессоров-охранителей П. Цитович в своей клеветнической брошюре «Что делают в романе «Что делать?» сокрушался: «За 16 лет пребывания в университете мне не удавалось встретить студента, который бы не прочел знаменитого романа еще в гимназии, а гимназистка 5—6 классов считалась бы дурой, если б не ознакомилась с похождениями Веры Павловны»³.

Небезизвестный автор секретного «Собрания материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие» чиновник цензурного ведомства П. И. Капнист возмущался тем обстоятельством, что «роман Чернышевского имел большое влияние даже на внешнюю жизнь некоторых недалеких и нетвердых в понятиях о нравственности людей, как в столицах, так и провинциях... Всего же хуже то, что все эти нелепые и вредные понятия нашли себе сочувствие, как новые идеи, у множества молодых педагогов»⁴. Капнист вынужден был признать, что «этот роман имел большой успех между поверхностно-образованною нашею молодежью обоего пола, которой у нас огромное большинство, а это значит у большинства читающей публики»⁵.

Естественно, что при таком широком отклике читающей публики роман вызвал острую литературно-критическую борьбу.

Ожесточенная газетно-журнальная полемика началась немедленно после выхода романа.

Еще до того, как было закончено его печатание, журнал «Книжный вестник» стал помещать короткие рецензии на каждую выходящую в очередном номере «Современника» часть романа. С большим сочувствием в этих рецензиях излагалось

¹ П. Кропоткин, Идеалы и действительность в русской литературе, СПб, 1907, стр. 307.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 179.

³ П. Цитович, Что делают в романе «Что делать?», Одесса, 1879, стр. 5.

⁴ «Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.», СПб, 1865, стр. 194.

⁵ Там же.

содержание вышедших глав, а герои романа характеризовались как представители современного молодого поколения, «обновленного истиною и добром»: «Все главные лица романа отличаются благородными и вполне гуманными правилами, стремлением к общему благу и к честной, покойной семейной жизни, не представляющей преобладания одного супруга над другим»¹.

Восторженно оценен в этих первых откликах и образ Рахметова. «Поразительно жива грандиозная фигура Рахметова», — пишет рецензент.

По его мнению, роман отличается силою художественного реализма, глубиною проникновения в жизнь, в духовный мир людей, точностью изображения и верностью оценки человеческих характеров. «Особенно хорош, — пишет автор, — тонкий анализ чувства Веры Павловны к мужу и к Кирсанову»².

С другой стороны, восхищение рецензента вызывает «тонкий и острый сарказм», с которым даны в романе образы «богатой молодежи, погрязшей в грубых, чувственных наслаждениях, стремящейся только к «обладанию» женщиною, как вещью»³.

Одновременно с «Книжным вестником» в мае 1863 г. высокую оценку романа Чернышевского дала политико-экономическая и литературная газета «Народное богатство», которая в редакционной статье горячо приветствовала роман «Что делать?» и его автора. Особое внимание в статье уделено теме раскрепощения женщины в романе Чернышевского: «Всякое назначение на общественную деятельность женщины мы будем постоянно встречать с сочувствием и готовы печатать в нашей газете о всяком подобном факте. Еще с большим сочувствием мы встречаем популярно изложенные экономические начала женского общественного труда, и слава вам, г. Чернышевский, что вы этот важный вопрос задали в чисто литературной статье. Напишите экономический трактат — он не дошел бы по назначению. Теперь же многие вас бранят, но зато многие и очень многие сочувствуют. Роман «Что делать?» — мы по крайней мере надеемся — сделает большой переворот во многих женских умах»⁴.

Газета предсказывала, что книга окажет большое и благотворное влияние на молодое поколение и призывала своих читателей быстрее ознакомиться с новым романом: «От души желаем нашим читателям обратиться к «Современнику» за настоящий год, и если кто еще не прочел роман г. Чернышев-

¹ «Книжный вестник», 1863 г., № 11, стр. 196.

² Там же, 1863 г., № 10, стр. 180.

³ Там же, 1863 г., № 7, стр. 125.

⁴ «Народное богатство», 12 мая 1863 г., № 102, стр. 408.

ского, тому предлагаем прочесть его. К его идеальной мастерской мы когда-нибудь еще возвратимся»¹. В том же номере «Народного богатства» в большой статье «Вскользь и налету» газета выступила с прямой пропагандой морально-этических идей, выраженных в романе «Что делать?».

Характерно, что автор статьи широко пользуется излюбленными самим Чернышевским приемами иронии и сарказма, направленными против реакционной публики и реакционной критики, неспособной понять глубину и справедливость идей революционной демократии: «Ведь, не правда ли, какие ужасные вещи сей человек проповедует? Вон подите-ка, какой он труд-то выдумал! Недаром на него такое дружное ополчение всей этой тьмы (в смысле множества, конечно) благонамеренной поднимается... И что за женщин выставляет Чернышевский? Чего от них он хочет? У него женщина выходит совершенно равна мужчине. Да разве это может быть? Во-первых, это крайне обидно для наших шевальеров, а во-вторых, при-скорбю и для самих дам. Стало быть, мы тогда уже не соль земли, значит наше слово не закон, тогда могут и не послушать нас»...¹

Первые отклики передовой критики, отражавшие мнение самых широких кругов демократической молодежи, явились прямым свидетельством глубокого общественного влияния романа и поэтому вызвали бешеное возмущение реакционного лагеря.

«Народному богатству» отвечала реакционно-охранительная газета «Северная пчела» статьей Ростислава². «Лжемудрость героев Чернышевского». Достойный продолжатель традиций доносительской критики Булгарина Ростислав обрушивается в первую очередь против «Народного богатства», негодуя по поводу того, что газета приветствует неблагоданежного автора и горячо рекомендует публике его роман. Что касается самого романа, то Ростислав ограничивается набором бранных слов и риторических восклицаний по поводу «безправственности» поведения «новых людей» и пагубности их идей: «Нет, г. Чернышевский, в советчики решительно вы не годитесь, и не вам указывать человечеству «что делать?», — так суммировал официальный рецензент свое отношение к идейному содержанию романа.

С не меньшим ожесточением «опровергает» Ростислав всякую мысль о художественных достоинствах романа Чернышевского, с пеной у рта утверждая, что это «безобразнейшее из

¹ «Народное богатство», 12 мая 1863 г., № 102, стр. 408.

² Ростислав — псевдоним реакционного критика и цензора Ф. М. Толстого.

произведений русской литературы», что «роман г. Чернышевского безобразен и по мысли и по исполнению», что это «вполне антихудожественное произведение»¹.

Характерно, что общественный интерес к роману и уважение к имени Чернышевского среди широкой аудитории русского читателя были настолько велики, что даже «Северная пчела», поместив откровенно злопыхательскую статью Ростислава, вынуждена была оговориться в специальном примечании, что «роман г. Чернышевского явление весьма замечательное», способное вызвать столкновение мнений, и что редакция полностью не присоединяется к мнению своего критика и намерена «поместить о нем (о романе «Что делать?» — Г. Т.) другое письмо, с автором которого мы более согласны, чем с г. Ростиславом»².

Действительно, через несколько дней в «Северной пчеле» появилась вторая статья о «Что делать?», принадлежавшая Н. Лескову, выступившему под псевдонимом Николая Горохова. Это новое выступление газеты объективно было попыткой «обезвредить» произведение революционно-демократической литературы более тонким способом, так как прямая брань и приемы полицейских угроз и доносов явно не достигали цели, не оказывали сколько-нибудь значительного влияния на умы широкой читающей публики.

Н. Лесков начинает статью с признания, что «роман г. Чернышевского — явление очень смелое, очень крупное и в известном отношении очень полезное»³. Но, с другой стороны, Н. Лесков утверждает, что «в будущем он (роман — Г. Т.) не проживет долго», так как «со стороны искусства ниже всякой критики; он просто смешон». «Роман странно написан и... в нем совершенно пренебрежено то, что называется художественностью»,⁴ — безапелляционно заявляет автор статьи и при этом в подтверждение своего тезиса ссылается на свидетельство... самого Чернышевского, игнорируя иронически — иносказательный смысл его слов.

Безусловное отрицание какого бы то ни было художественного значения романа «Что делать?» с момента его появления стало излюбленным приемом его дискредитации, на котором совершенно сходилась вся реакционная критика: в этом пункте отъявленные охранители трогательно обнимались с самыми розовыми либералами, обнаруживая внутреннее единство всего реакционного лагеря русской литературы.

Что касается идейного содержания «Что делать?», то

¹ «Северная пчела», 27 мая 1863 г., № 138, стр. 553.

² Там же, стр. 551.

³ Там же, 31 мая 1863 г., № 142, стр. 657.

⁴ Там же, стр. 657.

Н. Лесков не выступает прямо против взглядов Чернышевского, не полемизирует против него, но дает такую трактовку образов романа, которая совершенно уничтожает их революционный смысл, так что идеи «новых людей» представляются не революционно-демократическими, а либерально-постепеновскими: «Новые люди» г. Чернышевского, — пишет Н. Лесков, — которых, по моему мнению, лучше бы назвать «хорошие люди», не несут ни огня, ни меча... Чернышевский, как *нигилист*, и, судя по его роману, *нигилист-постепеновец* не навязывает здесь ни одной из теорий, ...но заставляет пробовать: как лучше, как удобнее? Где тут Марат верхом на Пугачеве? Где тут утопист Томас Мор?»¹

Такая трактовка образов и идей Чернышевского была тончайшим способом борьбы против подлинного духа и смысла его произведения, борьбы, ведущейся под видом «защиты» автора, который в условиях жесточайшей цензуры, да еще в положении политического узника самодержавия, не имел ни малейшей возможности опротестовать в печати извращенное толкование своего романа. При этом следует оговориться, что речь идет не о сознательной фальсификации идейного содержания романа со стороны Лескова, а лишь об объективном значении его литературно-критического выступления. В трактовке романа, которую дал Лесков, сказалась политическая наивность и либерально-постепеновская ограниченность его идейной позиции.

Несмотря на жестокие полицейские преследования, революционно-демократический лагерь русской литературы сумел дать отповедь реакционной клевете на роман «Что делать?». Против статьи Ростислава в «Северной пчеле» и на защиту романа «Что делать?» выступила «Искра».

В статье «Проницательные читатели (из рассказа о старых людях)» В. Курочкин вслед за Чернышевским обращается к «обыкновенному читателю», противопоставляя его «проницательным читателям», «проницательным критикам» или «критиканам». Ярчайшим образцом реакционного «проницательного критика» он считает Ростислава. Высмеивая утверждения «критикана» Ростислава о безнравственности и цинизме героев Чернышевского, Курочкин сатирическими приемами показывает, какую именно «нравственность» защищает от Чернышевского апологет старого мира, какие бытовые традиции и вкусы представляет идеологическая позиция литературного старовера. По мнению В. Курочкина, общественный смысл выступления Ростислава заключается в том, что оно охраняет традиции гнилой морали и вкусов паразитических классов, ту мораль, автори-

¹ «Северная пчела», 31 мая 1863 г., № 142, стр. 658.

тет которой зашатался под ударом романа Чернышевского: «Статья Ростислава произвела большой переворот во многих мужских умах. Я знаю одного 90-летнего старца (тоже какого-то убогого сочинителя) недавно женившегося на тринадцатилетней девочке. Он сначала пустился развивать ее посредством чтения, но статья Ростислава произвела желаемое действие и старческая натура взяла свое. Он выхватил роман Чернышевского из рук молодой жены и пропел ей на голос «Хуторка» Кольцова следующий романс:

Молодая жена!
Ты «Что делать?» взяла?
Эта книга полна
Всякой грязи и зла.
Брось зловредный роман.
В нем разврат и порок —
И поедем — канкан
Танцевать в «Хуторок»¹.

Мысль о том, что Ростислав и подобные ему критики Чернышевского защищают вовсе не нравственность, а право паразитических классов на разврат, на беспечальное прожигание жизни, на преклонение перед богатством и презрение к труженикам, развивается и в другом сатирическом стихотворении, включенном в статью «Проницательные читатели» и составляющем ее финал.

С нескрываемой иронией В. Курочкин пишет: «Я вместе с г-ном Ростиславом составляю строгий приговор о романе «Что делать?»

Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!
Не знает автор ли цыган,
Ни дев, танцующих канкан,
Алис и Ригольбош.
Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!

Иронически воспроизводя всю аргументацию Ростислава о «плебейских вкусах» Чернышевского, его совершенном незнании светской жизни и безнравственности его героев, В. Курочкин заставляет читателя живо ощущать глубочайшее нравственное превосходство этических идей революционной демократии над извращенной моралью дворянского паразитизма.

Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.
Герой не щеголем одет
И под жилеткою корсет
Не носит никогда.
Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.

¹ «Искра», 1863 г., № 32, стр. 423.

Жена героя — что за стыд!
 Живет своим трудом.
 Не наряжается в кредит
 И с белошвейкой говорит —
 Как с равным ей лицом.
 Жена героя — что за стыд!
 Живет своим трудом;
 Нет, я не дам жене своей
 Читать роман такой!
 Не надо новых нам людей
 И идеальных этих швей
 В их новой мастерской!
 Нет, я не дам жене своей
 Читать роман такой!!

Статья В. Курочкина — блестящий литературно-критический фельетон — широко использует для борьбы против идейных противников Чернышевского насмешку и сарказм, иронию и другие виды эзоповского иносказания, и в то же время эта статья служит делу пропаганды и утверждения положительной программы Чернышевского, в особенности его морально-этических идей. В романе, — говорит автор, — «идет речь о том, как должны бы жить люди, по-человечески, как они уже могут жить, как даже некоторые уже живут, как они сходятся друг с другом, как любят, не надоедая один другому и не насилюя страстей и привязанностей, как трудятся, сохраняя уважение к чужому труду, как из этого общего труда вытекает, как необходимое последствие, общее благоденствие, счастье»².

Громадное положительное влияние «Что делать?» выразилось, помимо всего прочего, в том, что его появление способствовало еще большему прояснению позиций различных классовых лагерей на идеологическом фронте. В первые же недели после выхода романа в газетно-журнальной полемике между «Северной пчелой», с одной стороны, и «Народным богатством» и «Искрой», с другой, определились и были высказаны все основные точки зрения не только на роман «Что делать?», но и на состояние русского общества, на задачи общественной жизни. В литературно-критической форме было ясно выражено отношение к Чернышевскому и его программе революционно-демократической интеллигенции, а также крепостников-охранителей и либералов. Обнаружилось и внутреннее единство позиций крепостников и либералов в отношении к революционно-демократической идеологии.

Вся последующая литературная борьба, не затухавшая вокруг романа «Что делать?» в течение десятилетий, велась по существу с тех же позиций, разделяла идейную жизнь на те

¹ «Искра», 1863 г., № 32.

² Там же.

же два враждующих лагеря. При этом реакционная критика даже в смысле аргументации не сумела сказать ничего нового.

«...всех, кого кормит и греет рутина, роман Чернышевского приводит в неописанную ярость. Они видят в нем и глумление над искусством, и неуважение к публике, и безнравственность, и цинизм, и, пожалуй, даже зародыши всяких преступлений. И, конечно, они правы: роман глумится над их эстетикой, разрушает их нравственность, показывает лживость их целомудрия, не скрывает своего презрения к своим судьям»,¹ — говорил Писарев о выступлениях реакционной критики по поводу романа «Что делать?».

Реакционно-охранительная критика открыто призывала к полицейской расправе с писателем, заключенным царскими жандармами в крепость. И не только с автором, но и с читателями романа и вообще с людьми того типа, который в нем изображен.

Характерно, что особенно рьяно реакционная критика нападала на Чернышевского за созданный им впервые образ профессионального революционера — Рахметова. Верноподданническая газета «Сын Отечества» поместила серию карикатур на героев «Что делать?», в которых особенно злобно глумилась именно над Рахметовым. А журнал «почвенника» Достоевского писал: «Что такое Рахметов? Это трудно определить. Это какой-то кабинетный миф, путешествующий так же легко по факультетам, как и по Европе»².

От беззастенчивых защитников самодержавия и крепостничества не отставали и либералы. «Отечественные записки» Краевского утверждали: «Он (Рахметов) был неизмеримо дальше от народа, нежели старинный русский барин, который в парчевом французском кафтане и шелковых чулках усердно молился в одной церкви с бурлаками или своими крестьянами»³.

Защитники так называемого «чистого искусства» Фет и Боткин в своем пасквиле на роман «Что делать?» пытались опровергнуть «доктрины» Чернышевского и оклеветать новых людей. Прежде всего они объявили роман произведением не художественным, нашли в нем «скудность изобретения, положительное отсутствие творчества, беспрестанные повторения»⁴. и т. д. Непримируемая вражда к передовым идеям и их носителям заставила их сбросить маску аполитичности и беспристра-

¹ Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, Госполитиздат, 1949, стр. 642.

² «Эпоха», 1864 г. № 8, стр. 22.

³ «Отечественные записки», 1863 г., № 11—12, стр. 109.

⁴ А. Фет, «Что делать?» Из рассказов о новых людях. Роман М. Г. Чернышевского, «Литературное наследство», № 25—26, 1936 г., стр. 489.

ствия и обнаружить свою подлинную позицию защитников политической реакции. С пеной у рта они «опровергают» основную идею романа — идею борьбы на народную крестьянскую революцию: «Укажите хотя на один класс нашего народонаселения в интересах которого могла бы быть желательна социальная революция. Положительно — ни одного, исключая тех авгуров-перебежчиков, которые поверхностно хватив книжной премудрости, на чужой счет, мучительно хотели бы, на чужой же счет, иметь ложу у итальянцев и доставлять сливки в постели развращаемых ими женщин. Но целый народ не пойдет ломать себя в угоду теории эгоизма Лопуховых и Кирсановых»¹. Пасквиль Фета и Боткина был настолько груб и бездарен, исполнен такой грязной клеветы по адресу трудовой революционно-демократической интеллигенции и ее художника, что даже Катков, при всей своей ненависти к революционерам, не решился напечатать его на страницах «Русского вестника».

В злобных напаках на выдающееся произведение революционно-демократической литературы «пропицательные читатели» из числа российских либералов обнаруживали свою истинную позицию, свое полное единство с открытыми реакционерами, обычно стыдливо скрываемое от широкой публики прогрессистской фразеологией и воздыханиями о «чистом» искусстве.

В противоположность реакционной критике революционно-демократический лагерь пропагандировал роман Чернышевского как произведение огромного политического и литературного значения, как разящее оружие, переданное уходящим на каторгу писателем передовым русским людям для борьбы с самодержавием. Голос революционно-демократического лагеря, единственно живой и правдивый голос русского общества, насильственно подавлялся царской цензурой. Писарев в том же 1863 г. написал статью о романе Чернышевского, назвав ее нарочито неопределенно: «Мысли о русских романах». Но «аполитичное» заглавие не помогло. Правительственный сенат запретил печатание статьи, мотивируя запрещение тем, что «сочинение Писарева «Мысли о русских романах», заключающее по преимуществу разбор романа содержащегося под стражею литератора Чернышевского под заглавием «Что делать?», и преисполненное похвал сему сочинению, с подробным развитием материалистических и социальных идей, в нем заключающихся, по мнению правительствующего сената, в случае напечатания его может иметь вредное влияние на молодое поколение, проникнутое этими идеями»².

¹ «Литературное наследство», № 25—26, 1936 г., стр. 531.

² Мих. Лемке, Политические процессы, СПб, 1907, стр. 157.

За напечатание этой статьи в 1865 г. (под заглавием «Новый тип») журнал «Русское слово» получил предостережение¹.

Статья Писарева до сих пор остается лучшим образцом литературно-критического разбора романа, несмотря на вынужденные недомолвки и эзоповский язык. Разоблачая реакционную клевету крепостников и либералов, Писарев утверждал здесь, что роман «Что делать?» стал знаменем целого направления русской общественной жизни. Что касается общей эстетической оценки романа, то критик заявил: «Чернышевский создал произведение в высшей степени оригинальное и чрезвычайно замечательное»².

Статья проникнута пафосом пропаганды, расшифровки и распространения революционно-демократических идей романа.

Высокую оценку романа дал и Салтыков-Щедрин в 1864 г. в хронике «Наша общественная жизнь». «В прошлом году, — писал он, — вышел роман «Что делать?», — роман серьезный, проводивший мысль о необходимости новых жизненных основ и даже указывавший на эти основы. Автор этого романа, без сомнения, обладал своею мыслью вполне»³. Выступая против некоторых вульгаризаторов идей Чернышевского, в частности, против Варфоломея Зайцева, Салтыков-Щедрин высмеивал их пристрастие к отдельным деталям и подробностям картин будущего и неспособность понять основные идеи романа, его значения для современности. Великий сатирик писал: «...всякий разумный человек, читая упомянутый выше роман, сумеет отличить живую и разумную его идею от сочиненных и только портящих дело подробностей. Но вислоухие понимают дело иначе; они обходят существенное содержание романа и приударяют насчет подробностей, а из этих подробностей всего более соблазняет их перспектива работать с пением и плясками»⁴.

В 1865 г. в восьмой книжке «Современника» была помещена редакционная статья «Итоги», которая отстаивала «оппозиционную литературу» и как лучший образец ее приводила роман Чернышевского. Протестуя против клички «нигилист», которой широко пользовалась вся реакционная печать, чтобы дискредитировать разночинца-демократа, эта статья указывала, что не только отрицание старого, но и утверждение

¹ В 1867 г. статья была напечатана в 1-м издании сочинений Писарева под заглавием «Мыслящий пролетариат».

² Д. И. Писарев, Избранные философские и общественно-политические статьи, Госполитиздат, 1949, стр. 643.

³ Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. VI, 1941, стр. 326. Вопрос об отношении М. Е. Салтыкова-Щедрина к роману «Что делать?» выяснен в работе Е. И. Покусаева «Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин». См. Ученые записки Саратовского Госуниверситета, 1948, № XIX, стр. 80—93.

⁴ Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. VI, 1941, стр. 326—327.

новых идей, утверждение положительных идеалов и положительной программы жизни достаточно широко и ясно развернуто в «оппозиционной литературе». Подтверждает это положение именно роман «Что делать?». Статья прямо указывает, что передовая литература «поставила в романе Чернышевского примеры своих людей, т. е. тех людей, которых она желала видеть в обществе... в конечных целях оппозиционной литературы оказалось не отрицание, не нигилизм, а нечто положительное и определенное, создание в среде нашего общества не нигилиста, а *гражданина*. Этот-то вот признак оппозиционная литература и поставила окончательным признаком для отличия ее героев, ее людей и любимцев от героев старого общества»¹. Эти отзывы демократической печати, немногочисленные вследствие гнета полицейской цензуры, выражали настроения и симпатии демократического читателя.

Литературно-журнальные споры вокруг «Что делать?» были прямым выражением идейно-политической борьбы двух основных лагерей общественной жизни того времени, борьбы между революционной демократией и помещичьей реакцией.

Чернышевский безошибочно предвидел неизбежность такой борьбы и уже в тексте самого романа резко различал «простых читателей» — друзей и «проницательных читателей» — врагов. После выхода романа в свет отголоски журнальной клеветы на роман «Что делать?» проникали за толстые стены Петропавловской крепости; но для автора в этом не было ничего неожиданного. Чернышевский писал тогда же в одном из набросков романа «Повести в повести»: «Я и не знаю гадостей, которые были напечатаны по поводу моего романа «Что делать?». Я не читал ни одной из этих статей. Между прочим, и потому, что я не охотник читать какие бы то ни было произведения глупцов. Другая часть публики осталась довольна романом «Что делать?». Эта часть публики, в которой есть и несколько писателей, состоит из моих друзей».

На все грязные нападки Чернышевский не мог ответить иначе, чем презрением, и тому же он учил читателя-друга. Обращаясь к «добрым друзьям и добрым подругам автора», он писал: «Вы знаете, какого обращения заслуживают некоторые из ваших соотечественников. Многие из вас — слишком многие — слишком мягки с этими людьми; или по кротости, или по неопытности; нет, берите в этом пример с меня: хохочите им в глаза и презирайте их. Этот совет я даю вам, как человек опытный в обращении с ними».

Острота борьбы, вызванной романом, свидетельствовала о глубокой жизненности его идей, о силе влияния его на жизнь. Это вынуждена была констатировать даже реакционная критика и

¹ «Современник», 1865 г., № 8, стр. 317. Подчеркнуто автором.

публицистика. Известный реакционный публицист Катков писал в 1879 г. в статье, специально посвященной роману Чернышевского: «Автор «Что делать?» в своем роде пророк. Многое, что представлялось ему как греза, совершилось воочию: новые люди разошлись или сами собою, или разосланы на казенный счет по градам и весям, тшачся на практике осуществить уроки учителя, далеко превзойдя его надежды... Этот тип разросся страшно, и Маниловы нигилизма составляют теперь главную часть нашей интеллигенции. Куда ни посмотришь, везде Лопуховы, Кирсановы и Веры Павловны»¹.

Влияние, которое оказал роман Чернышевского на русское общество в целом и на литературное движение в частности, было настолько сильно и глубоко, что порожденная им острая идейная борьба захватила не только область публицистики и литературной критики, но велась также и в литературно-художественных формах. В течение ряда лет после выхода в свет «Что делать?» появляется в печати громадное количество повестей, романов, пьес и т. д., которые содержали непосредственный отклик на вопросы и темы, поднятые Чернышевским. Разночинец — интеллигент и его роль в русской жизни надолго становится главным объектом изображения в русской литературе.

Эти произведения распадаются так же, как и литературно-критические отзывы, на две противоположные по своему характеру и идейной направленности группы. Это, с одной стороны, книги, в которых выдвинутые Чернышевским явления жизни, человеческие характеры и идеи получили свою дальнейшую литературную разработку и развитие. Сюда относятся повесть В. Слепцова «Трудное время», роман украинской писательницы Марко Вовчок «Живая душа», написанный на русском языке, роман Н. Бажина «Степан Рулев», повесть того же автора «Чужие меж своими» и т. д.

Вышедшая в 1865 г. повесть Слепцова — ученика и последователя Чернышевского — рисует разночинца-демократа Рязанова — сторонника и пропагандиста революционно-демократических взглядов. Ему противопоставлен прекраснородушный помещик-либерал Щетинин. Критика дворянского либерализма и разоблачение «великой реформы», ее грабительского по отношению к трудящемуся крестьянству характера составляет главную идейную задачу этого замечательного произведения революционно-демократической литературы. Слепцов как бы предваряет в разработке этой темы самого Чернышевского, поставившего те же вопросы в центре романа «Пролог» несколько лет спустя.

¹ «Московские ведомости», 1879 г., № 153, стр. 2.

Один из центральных образов повести — образ передовой русской женщины Марии Васильевны Щетининой, которая под влиянием пропаганды Рязанова, осознав необходимость продолжения и углубления революционной борьбы за интересы народа, рвет со своей средой, с мужем-либералом, с узким кругом семейных забот и интересов. Она уезжает в Петербург в надежде найти круг единомышленников и отдать свои силы революционной борьбе. Об этом образе повести Слепцова А. М. Горький писал: «Жена Щетинина — это одна из тех женщин, которые, увлекаемые тревогой эпохи, смело рвали тяжкие узы русского семейного быта и, являясь в Петербург, или погибали в нем, или ехали за огнем знания дальше — в Швейцарию, или же шли в «народ», а потом — в ссылку, в тюрьмы, в каторгу. Щетинина, может быть, одна из женщин, которые слушали лекции Слепцова, жили в его «коммуне» и, несомненно, погибли в борьбе за свободу своей страны»¹.

Образ «новой женщины» вслед за Чернышевским и Слепцовым ставит в центре повествования и Марко Вовчок в романе «Живая душа» (1868 г.). Так же, как в «Что делать?» и в «Трудном времени», героиня этого романа рвет со своим семейным кругом, со своей средой и становится на путь самостоятельной трудовой жизни и общественной борьбы. Так же, как у предшественников, ей помогает найти новые пути жизни представитель революционно-настроенной разночинно-демократической интеллигенции.

Близость к Слепцову сказывается в романе «Живая душа» и в том, что «новые люди» здесь резко противопоставлены представителям дворянского либерализма, который писательница непримиримо изобличает во всех его разновидностях — от типа дворянских «лишних людей» (Бурнашов) до типа ренегата, изменившего идеям демократизма из страха перед силами реакции и нашедшего возможность сделать карьеру «либерального деятеля» (Роман Аркадьевич Квач).

Тема «эмансипации» женщины, изображение путей освобождения интеллигентной русской женщины из пут семейной зависимости для труда и общественной деятельности легла в основу еще целого ряда повестей и романов 60-х годов, менее значительных по идейному и художественному достоинству.

«Новых людей» рисует в своем романе «Степан Рулев» (1864 г.) и демократический писатель Н. Бажин. В образе центрального героя романа чувствуется прямое сходство, может быть и подражание герою Чернышевского — Рахметову. Рулев — это революционер, правда не вождь и организатор борьбы, а рядовой участник ее. В нем подчеркнуты героические черты характер-

¹ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, Госполитиздат, 1953, т. 24, стр. 224.

ра — стойкость, энергия, беззаветная преданность делу. «Их можно растерзать, раздавить, убить, но запугать или заставить согнуться нельзя. «Они знают это», — замечает Бажин о людях этого типа. К попытке создать героический образ «нового человека» рахметовского типа Бажин возвращается и в следующей своей повести «Чужие меж своими» (1865 г.).

Несмотря на то, что произведения Бажина не принадлежат к значительным явлениям художественной литературы, самый факт обращения к героям и темам, впервые изображенным Чернышевским в «Что делать?», свидетельствует о силе и глубине влияния первого романа Чернышевского на жизнь и литературу.

Выдвинутые Чернышевским вопросы не могли обойти и те писатели критического реализма, которые не принадлежали к революционно-демократическому лагерю, не поднимались до наиболее передовых идей своего времени. В силу противоречивости мировоззрения, непоследовательности своих общественно-политических взглядов такие писатели как Гончаров, Л. Толстой и др. не сумели разобраться в действительной сущности нового явления русской жизни. Они не поняли ни характеров и взглядов «новых людей», ни их значения в общественном развитии России и в своих произведениях оценили представителей разночинно-демократической интеллигенции отрицательно.

Гончаров в романе «Обрыв» рисует разночинца-демократа Марка Волохова именно как «нигилиста» — грубого эгоиста и циника, пренебрегающего счастьем полюбившей его девушки. В то же время Гончаров изобразил враждебного ему Волохова человеком сильным и прямым, а не мелким и ничтожным, и в этом сказался художник-реалист.

Л. Толстой в своей «антинигилистической» комедии «Зараженное семейство» подошел к теме с позиций, публицистически сформированных в его статьях 1859—61 годов, с точки зрения борьбы против всякого прогресса и защиты патриархальных традиций. В результате в его комедии произошло чудовищное смещение и смешение реальных явлений общественной жизни.

Резко сатирически рисует он образ «акционного либералишки» Венеровского и при этом в его речах пародируют некоторые особенности языка и даже некоторые идеи «новых людей» Чернышевского. Интеллигент-разночинец Твердынский в «Зараженном семействе» тоже пародия на героев Чернышевского. Его идеи и взгляды, по мысли Толстого, не отражают жизни, а являются результатом влияния отвлеченной и сухой теории на молодого человека, не очень развитого и поэтому склонного ко всякому догматизму.

Несмотря на то, что Твердынский резко противопоставляет себя либералу Венеровскому на словах, Толстой стремится изобразить их как людей одной породы, близких по типу. В том и другом он обличает черты рационализма, которые нарочито-карикатурно поданы как мертвенный догматизм, как безжизненная книжная логистика. Разница между «акцизным» либералишкой» и разночинцем-демократом обнаружена не столько в образе мысли, сколько в социальном положении и личных характерах.

Образ Дудкиной — карикатура на «эмансипированную» женщину, претендующую на участие в общественной и научной жизни. Она характеризуется именно как «синий чулок», как жалкая неудачница, не сумевшая создать семью и поэтому набросившаяся на книжную премудрость.

«Зараженное семейство» было написано к началу 1864 г. и явилось прямым откликом на роман Чернышевского «Что делать?» Не случайно в одном из первоначальных вариантов комедия называлась «Новые люди». Выпады против «эмансипации» женщин, против трудовых коммун, резкое осуждение какой бы то ни было ломки старой патриархальной семьи и ее моральных традиций — все это достаточно ясно обнаруживает против кого направлено полемическое острие комедии.

Пьесу решительно осудил Островский, слышавший ее в чтении автора. Он писал Некрасову 7 марта 1864 г.: «Когда я еще только расхварывался, утащил меня к себе Л. Н. Толстой и прочел мне свою новую комедию; это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения»¹.

К чести великого писателя нужно сказать, что после неудавшейся в 1864 г. попытки поставить комедию на сцене он отказался от мысли обнародовать ее, и «Зараженное семейство» было впервые опубликовано много лет спустя после смерти автора — в 1928 г. Благодаря этому в литературной борьбе 60-х годов Толстой не выступил как активный участник похода против Чернышевского и его идей, не поставил свое имя в один ряд с именами сочинителей антиинициалистических романов и повестей.

По отношению к таким представителям критического реализма, как Толстой, Гончаров, Тургенев, совершенно справедлива мысль Горького о том, что их неправая ненависть к «новым людям» имела в своей основе искреннее, хотя и ошибочное убеждение в том, что дальнейшее развитие русского общества пойдет иным путем.

Но кроме этих крупнейших представителей критического реализма с беллетристической полемикой против романа Чер-

¹ А. Н. Островский, Полн. собр. соч., т. 14, 1953, стр. 113.

нышевского, с прямой клеветой на новых людей выступил целый отряд реакционных писателей, которые по словам Горького, «писали «революционеров» одной сажой»¹.

Если демократическая беллетристика 60-х годов пропагандировала и развивала идеи Чернышевского, то лагерь реакционной дворянской литературы использовал беллетристическую форму для клеветы на ненавистных ей деятелей революционно-демократического движения, для извращения освободительных идей. Романы «Взбаламученное море» (1863 г.) Писемского, «Марево» (1864 г.) Ключникова, «Панургово стадо» (1869 г.) Вс. Крестовского и др. изображали разночинца-демократа в виде «нигилиста», грубого, невежественного и наглого. К этим клеветническим измышлениям присоединил свой голос и Н. Лесков, выступивший под псевдонимом Стебницкий. В своем романе «Некуда» (1864 г.) он изображает носителей революционных идей пустыми фанфарами, людьми чуждыми русской жизни, не знающими ее. Если в эту среду и попадает чистый человек, вроде Райнера, он с отвращением и гадливостью бежит от них прямо в объятия либералов-постепенцев.

В этом походе против революционно-демократической идеологии принял активное участие и Ф. Достоевский. Его «Записки из подполья» (1864 г.) — произведение непосредственно направленное против идей русской революционной демократии — явились прямым ответом на роман «Что делать?». Образам новых людей Достоевский сумел противопоставить только одичавшего в своем «подполье» индивидуалиста — человеконенавистника. Против социалистических идеалов и освободительных стремлений революционной демократии он выдвинул истерические, бессвязные требования «своеволия», капризы больного, изломанного и извращенного воображения, неверие в благородство и творческие возможности человека. Социалистическое будущее Достоевский силился изобразить как царство скуки, как торжество «таблички и арифметики» над человеческой волей и сознанием, как «капитальный дом с квартирами для бедных жильцов по контракту на тысячу лет и, на всякий случай, с зубным врачом Валенгеймом на вывеске». И содержание, и форма этого несдержанного памфлета, направленного против революционно-демократических идей, выражали озлобление и ненависть автора к революции и ее деятелям.

Все эти писатели стремились развенчать в глазах читателей светлые образы «новых людей», а если не удастся развенчать, то, хотя бы забрызгать их грязью. В хронике «Наша общественная жизнь» Салтыков-Щедрин писал по поводу реакционной беллетристики: «...сыпать направо и налево обвинениями и

¹ Цитируемое издание, т. 24, стр. 485.

эпитетами сделалось делом чрезвычайно приятным и свободным. Образовалась целая литература, поставившая себе целью исследовать свойства ядов, истекающих из молодого поколения, или, лучше сказать, не исследовать, а представить в живых (более или менее) образах, что молодое поколение никуда не годно, что оно не имеет будущего, и что оно сплошь одарено способностью испускать из себя гангрену разрушения. Бессмысленное слово «нигилисты» переходит из уст в уста, из одного литературного органа в другой, из одного литературного произведения в другое»¹. Подобная литература «просто говорит: молодое поколение — это социалисты, материалисты, жулики, нигилисты, мазурики и прелюбодейцы»².

Реакционным беллетристам не удалось дискредитировать молодое поколение. Явное искажение правды жизни, злобная карикатурность изображения идейного противника и слащавая сентиментальность в обрисовке «героев» старого дворянского мира настолько лишала художественной убедительности эту литературную пропаганду реакции, что никакого серьезного влияния ни на общественное мнение, ни на литературное развитие она не оказала. Только несколько десятилетий спустя в годы столыпинской реакции после поражения первой русской революции весь арсенал приемов клеветы на революцию и революционеров был возрожден, обновлен и использован реакционно-дскадентскими романистами и повествователями (Сологуб «Навьи чары», Арцыбашев «Санин», Л. Андреев «Тьма» и многие другие).

Развенчанию политического смысла «истребительных романов» Ключников, Писемского, Стебницкого и др., злобных выпадов реакционных писателей против передового революционного лагеря содействовали революционно-демократические писатели и критики. Они беспощадно и гневно разоблачали инсинуации полицейско-охранительной литературы против революционеров.

Писарев посвятил этой задаче ряд специальных статей. В блестящих литературно-критических памфлетах критик-демократ не только высмеивает творческое бессилие реакционных беллетристов, называя их книги «построчным набором бессмыслицы и вранья», литературным хламом, «чрезвычайно неискусным и неудачным шарлатанством», но гневно изобличает истинный источник этих нападок: ненависть к народу, ненависть к будущему и страх перед ним, зоологическая злоба по отношению ко всему прогрессивному, передовому.

«Эти бойкие и задорные, но в сущности трусливые и тупоумные ненавистники будущего пишут истребительные романы и

¹ Н. Щедрин. Полн. собр. соч., т. VI, 1941, стр. 318.

² Там же, стр. 323.

повести в роде «Взбаламученного моря», «Марева» и «Некуда»... Все они трусливо и злобно отвертываются от будущего», — заявлял Писарев в статье «Прогулка по садам российской словесности»¹.

Ненависть к будущему и рабская угодливость по отношению к самодержавно-полицейской государственности составляет главную и единственную цель и назначение этих произведений. Писемский, по словам Писарева, «не понимает будущего, и даже счел долгом торжественно заявить свое непонимание в своем знаменитом романе, доказывающем очень убедительно необходимость мертвого застоя»².

Ключников в романе «Марево» стремится «проституировать идею патриотизма и усыплять в обществе ту чуткость нравственных требований, которая составляет самое прочное и разумное основание любви к отечеству и к согражданам», — говорит Писарев в статье «Сердитое бессилие»³.

Гневно разоблачал истинную политическую природу этой «литературы» и Салтыков-Щедрин, справедливо называя мутный поток подобных «произведений» «литературой полицейско-нигилистической»⁴. В статье «Напрасные опасения» (1868 г.) великий сатирик показывает читателю, что вся эта литература направлена против революционного просветительства русских демократов, против разума и роста общественного сознания. По поводу романа «Марево» Щедрин говорил: «Мысль этого романа заключается в следующем: мыслить не надобно, ибо мышление производит беспорядок и смуту... «мышление вредно» — согласитесь, что в этом афоризме заключено целое мирозерцание»⁵.

Как ни старались многочисленные беллетристические проповедники «мировоззрения» застоя, рутины и политической реакции «опровергнуть» великие идеи Чернышевского, дискредитировать и оклеветать его героев, как ни пытались они парализовать или хоть ослабить могучее влияние романа Чернышевского на общественное сознание, они только обнаруживали свое умственное «сердитое бессилие», свое литературное бесплодие. Больше того, самый факт появления столь многочисленных романов и повестей, направленных против революционной демократии и ее идей, свидетельствовал о могучем влиянии Чернышевского на русское общество: значит очень уж метко и своевременно выступил Чернышевский со своим

¹ Д. И. Писарев, Полн. собр. соч. в шести томах. СПб. 1903, т. 4, стр. 335.

² Там же, стр. 334.

³ Там же, стр. 314.

⁴ Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. VIII, 1937, стр. 60.

⁵ Там же, стр. 451.

романом, очень влиятельны были его идеи, если реакция на борьбу с ними выставила целый отряд беллетристов по найму или из «бесскорыстной подлости». Во всяком случае, новые люди и новые идеи надолго стали главной темой литературы и литературной критики, сосредоточили на себе интерес литературной и читательской общественности.

На это обратил внимание еще Салтыков-Щедрин. Он указал на то, что новое явление русской жизни — революционно-демократическая интеллигенция — стало в центре внимания писателей, даже независимо от того, как к этому явлению относится тот или иной автор, тот или иной лагерь литературной борьбы: «Для одних это явление представляет лишь пищу для безобразных и злобных глумлений, для других оно составляет предмет самых серьезных надежд; во всяком случае, оно слишком типично само по себе, чтобы можно было сделать малейший шаг в деле изучения общества, не коснувшись его. Люди, наиболее чуждающиеся современного направления русской мысли, очень хорошо понимают, что тут уже есть живой и своеобразный тип, на который они охотно клеветают и возводят небылицы, но которого обойти не могут»¹.

¹ Н. Щедрин, Полн. собр. соч., т. VIII, 1937, стр. 59.